

А.А. ВОЗЬМИТЕЛЬ

НОВЫЙ КЛАСС ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

**Тощенко Ж.Т. ПРЕКАРИАТ: ОТ ПРОТОКЛАССА К НОВОМУ КЛАССУ.
Монография / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.:
Наука, 2018. — 350 с.**

Аннотация. Рассматривая концепции «исчезновения» классов, автор рецензируемой монографии аргументированно доказывает, что классы нигде не делись, но приобрели новые качества и параметры. В связи с этим Ж.Т. Тощенко обосновывает необходимость нового подхода к анализу социальной стратификации, когда в основу ее классификации ставят «не доход, образование и социальный статус, а гарантии устойчивой трудовой занятости, наличие социальной защищенности, сохранение профессиональной идентичности, соучастие в управлении, уверенность в будущем». Постоянно расширяющийся слой людей, лишенных этих социальных завоеваний, не имеющих никаких правовых гарантий и правовой защиты базовых нужд, автор называет прекариатом, характеризующимся множественной депривацией, которую в таком объеме и в таком масштабе ранее никто никогда не фиксировал. В монографии раскрываются основные причины возникновения этого «протокласса». Главные из них — турбулентность, противоречивость, деформированность социальных процессов, образующих общество травмы как результат длительной деградации социальной системы, приводящий к ее отмиранию.

Ключевые слова: классы; прекариат; общество травмы.

Для цитирования: *Возьмитель А.А.* Новый класс трансформирующегося общества. [Рец. на кн.] Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018 // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 2. С. 177–184. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6393

Очередная монография члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко не дает возможности профессиональному социологу остаться равнодушным: подчеркивания, знаки вопросов и восклицаний и даже эмоции постоянно сопровождают чтение этой глубокой книги о том, что происходит с нами сегодня. В рамках заявленной темы Ж.Т. Тощенко прослеживает эволюцию идей о социальной структуре общества от К. Маркса до О.И. Шкаратана как определенной динамичной целостности, трансформирующейся под влиянием культурных и технологических инноваций, а также в связи с изменениями характера взаимодействий групп, ее составляющих.

Возьмитель Андрей Андреевич — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (968) 011-05-03. **Электронная почта:** Vozmitel@isras.ru

Действительно, технологическая революция, вытесняющая живую рабочую силу, процесс глобализации и либерализации, принявшие во многих странах форму «вестернизации», ведут к фундаментальным неоднозначным изменениям в обществе и его социальной структуре, для описания и анализа которой старые понятия уже не работают [см.: 6]. Тем не менее вряд ли кто даже сегодня оспорит актуальность и важность ленинского определения классов как таких групп людей, «из которых одна может присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [2, с. 15].

Рассматривая концепции «исчезновения» классов, противоположные воззрения и новые социально-экономические и политические реалии конца XX – начала XXI вв., автор приходит к обоснованному выводу, что классы никуда не делись, но модернизировались, приобрели новые качества и параметры. Как никуда не делась и определяющая роль собственников — капиталистов в ходе «революции менеджеров».

Так, в российском обществе в начале 1990-х годов довольно быстро возник слой «новых русских», состоявших из представителей бывшей коммунистической номенклатуры, «теневиков», «цеховиков», «авторитетов» и «демократов» первой волны, который, разогнав законно избранный парламент страны и заняв ведущие позиции в госаппарате, в открытую и за бесценок приватизировал общенародную собственность, возглавив крупные промышленные и сельскохозяйственные предприятия, биржи, банки, концерны, нефтегазовые компании, средства массовой информации, многочисленные ЗАО, ООО и т. д. В нашем обществе этот слой людей, обладающих огромным нелегитимным богатством и реальной властью, почему-то называют элитой, несмотря на практическое отсутствие у его представителей «наивысшего чувства ответственности», «морального превосходства» над большинством своих сограждан и «выдающихся достижений», если не считать таковыми «созидательное» разрушение российской экономики, науки и культуры.

Но именно этот слой очень быстро обрел необходимые черты специфического класса не только «в себе», но и «для себя», четко противопоставив свои интересы — интересам большинства народа, избрав своей идеологией постулаты пещерного либерализма: антикоммунизм, рыночный фундаментализм, антиэтатизм, антиэгалитаризм. Этот правящий класс до сих пор, пожалуй, — единственное устойчивое образование в российском социуме. Его границы строго очерчены кругом владельцев или же распределителей крупной собственности, а в его составе тесно связанные между собой группы: коммунисты-капиталисты из числа бывшей номенклатуры и директорского корпуса, коррумпированное чиновничество и верхушка организованной преступности, объединенные одной генеральной целью «приватизации прибыли и национализации убытков» [3, с. 210].

Следом за этим классом в огромном слое бедных россиян выкристаллизовалось «социальное дно», функционирующее, как правило, вне правового поля, отличительными чертами которого стали anomia, безнадежность, безразличие, апатия и т. п., оформившие этот слой в «андеркласс».

В тучные «нулевые» в российском обществе появился достаточно большой слой людей, преодолевших черту бедности, обладавших средним доходом несоизмеримо выше, нежели у «андеркласса», но несравненно

ниже, чем у класса правящего. Анализ этого среднего слоя посвятили свои труды многие известные российские социологи: Л.А. Беляева, В.М. Бобков, М.К. Горшков, З.Т. Голенкова, Н.Е. Тихонова и др., рассматривая в качестве классообразующих показатели дохода, образования, квалификации, престижа, социальных ценностей. Растущая нестабильность, быстро меняющиеся ситуации во всех сферах общественной жизни, инфляция, падение уровня жизни подавляющего большинства населения России, а также обстоятельный анализ структуры среднего класса приводят к выводу о том, что современное общество стало обществом низшего среднего класса [4, с. 325].

И все же понятие среднего класса, как отмечает Ж.Т. Тощенко, остается достаточно рыхлым, включающим в себя явно неоднородные группы. Неясно, например, входят ли в него высококвалифицированные рабочие? И как оценивать структуру этого класса с точки зрения формирования главной социальной идентичности общества, носителем и выразителем которой он должен являться по определению?

Возникает и вопрос, куда нам относить те социальные группы, что не были представлены в социальной структуре советского общества, но сегодня получили широкое распространение, которые «не обладают чертами среднего класса, но и не могут относиться к пауперизированным слоям» [5, с. 40]. Рассматривая западные и российские подходы к анализу социальной структуры современного общества, автор монографии вполне справедливо обращает внимание на иные представления, которые в основу ее классификации кладут «не доход, образование и социальный статус, а гарантии устойчивой трудовой занятости, наличие социальной защищенности, сохранение профессиональной идентичности, соучастие в управлении, уверенность в будущем» [5, с. 41]. Эти представления отражают реальные процессы, происходящие в современном обществе: депролетаризацию; расширение границ рабочего класса как производителя материальных благ; усложнение состава «совокупного рабочего», включающего в себя «частичных рабочих», ближе или дальше отстоящих от непосредственного воздействия на предмет труда; появление «торговых рабочих» и массовых рабочих сферы услуг в целом; неформально и временно занятых, потерявших свой прежний статус и профессиональную идентичность, рекрутируемых из всех слоев общества, включая мигрантов, безработных и т. п. Это — постоянно расширяющийся слой сильно ограниченных или ущемленных в своих трудовых и социальных правах людей, дважды отчужденных — не только от своего труда, но и от общества в качестве новых «отверженных», не имеющих никаких правовых гарантий и правовой защиты базовых нужд, — но не смирившихся, барахтающихся, подобно лягушке, попавшей в крынку со сметаной и выбравшейся из нее, сбив сметану в масло. Этот находящийся в становлении своей сущности протокласс автор называет прекариатом, как и другие исследователи описанного выше феномена (З.Т. Голенкова О.И. Шкаратан).

Основные причины возникновения прекариата в нашем обществе: структурные сдвиги в занятости, внедрение рыночных отношений, превращение человека в товар. Но главная из них — реально действующий, очень жесткий, практически никем и ничем не ограничиваемый закон максимизации прибыли, даже в тех случаях, когда прибыль одних означает смерть других. Отсюда

безответственность работодателей, «серые» и «черные» схемы занятости, ее неформальный, неопределенный, временный, эпизодический характер. Судя по заявлению О. Голодец, в этих «непрозрачных условиях» работает как минимум половина трудоспособного населения страны [1]. Капитал всегда избирал и быстро внедрял в производственные отношения самые изощренные массовые формы эксплуатации труда, увеличивающие прибыль, но ведущие к деградации личности, утрате ее идентичности и самооценности.

Вся эта социально-экономическая и политическая ситуация формирует жизненный мир прекариата, базовые характеристики которого определяются его деформированным социальным положением. Как показывает анализ, проведенный Ж.Т. Тощенко, — это мир:

– нестабильной краткосрочной реальности, когда люди живут сегодняшним днем, не заглядывая в будущее, в долгосрочную перспективу, без уверенности в завтрашнем дне;

– произвола работодателя, неопределенности рабочего статуса и заработка;

– ощущаемого социального неравенства, обусловленного статусным диссонансом и коррупционными механизмами социальной мобильности;

– отчужденный от общества, от всякого влияния и воздействия на него;

– криминализированный, с господством внеправовых отношений, ведущих к десоциализации и нравственной деградации личности [5, с. 210–218].

Иначе говоря, это мир множественной депривации, которую в таком объеме и в таких масштабах ранее никто и никогда не фиксировал. Возможно, именно поэтому Г. Стэндинг назвал прекариат опасным классом: отсутствие у него безопасности оборачивается серьезными рисками для общества [9].

Прекарии не столько бедные, сколько неустроенные люди, претендующие на справедливое решение своих жизненно важных проблем, которые не решаются в современном обществе. Отсюда отрицательные эмоции, стресс, фрустрация очень высокого уровня, из которой только два выхода: самоуничтожение или же уничтожение (приведение в чувство) фрустратора. Последний вид сопротивления принимает две основные формы: криминальную и политическую. По примеру правящего класса для достижения значимых целей начинают использоваться неправовые средства. А по примеру пролетариата — политические средства классовой борьбы в их современных модификациях. Однако сегодня в политическом плане прекариат пассивен и представляет собой «молчаливое большинство», «находящееся в засаде» [5, с. 266].

Тем не менее уже само появление прекариата в обществе и явная тенденция увеличения его численности приводят к серьезным деструктивным последствиям:

1) отсутствию мотивации работников повышать производительность своего труда, а у предпринимателей, при наличии дешевой рабочей силы, — совершенствовать технологии, внедрять новую технику и т. п., что не позволяет решать текущие задачи, не говоря уже о стратегических и прорывных направлениях общественного развития;

2) прекаризации социальной структуры, депривации высокопроизводительного труда, ведущей к депрофессионализации, массовым отказам от своей профессиональной идентичности ради денег;

3) углублению социального неравенства, повышению социальной напряженности и снижению уровня безопасности в обществе;

4) прекаризации сознания общества, его смазанности; распространению асоциальных ориентаций в силу нерешенности вопроса об основополагающих принципах общественного и личного бытия [5, с. 253–267].

Определяя место прекариата в социальной структуре современного общества, автор монографии обращается к анализу трактовки этой проблемы Г. Стэндингом, одним из первых и достаточно основательных ее исследователей. Социальная структура, по Стэндингу, включает следующие элементы: слой «абсурдно богатых», схожий с нашим «правлящим классом»; «салариат» со стабильной занятостью, полным рабочим днем и социальными гарантиями; «профессионалы-техники», независимые специалисты, не обременяющие себя стандартными трудовыми отношениями; «пролетариат», переживающий упадок и потерю чувства солидарности; «прекариат» — быстро растущий новый класс, состоящий из множества необеспеченных людей, живущих неопределенной, негарантированной жизнью, работающих на случайных и постоянно меняющихся местах, без всяких перспектив профессионального развития.

Критики Стэндинга предъявляют ему ряд обоснованных претензий — неопределенность сущностных черт прекариата, включение в его состав «андеркласса» и т. п. Однако с главной из них — отсутствием единого основания в предложенной им модели социальной структуры — согласиться трудно. Главным стержнем, пронизывающим все элементы классификации Стэндинга, является уровень депривации, обусловленный различными формами занятости, что очень хорошо показал Ж.Т. Тошенко в процессе всестороннего и детального анализа сущности прекариата.

С учетом всех высказанных Стэндингу замечаний социальная структура современного российского общества может быть схематически представлена следующим образом:

- правящий класс (отсутствие депривации);
- средний класс: салариат и фрилансеры (относительная депривация);
- прекариат с входящим в него пролетариатом (множественная депривация);
- андеркласс (абсолютная депривация).

С учетом ментальности нашего общества, его общей установки на социальную справедливость предложенная схема социальной структуры представляется весьма перспективной с точки зрения использования ее в эмпирических социологических исследованиях.

Возникновение прекариата автор монографии тесно связывает с особым состоянием общественных процессов, характеризующихся турбулентностью, неоднозначностью, противоречивостью, деформированностью. Это состояние, вызывающее эмоциональный шок, депрессию, аномию и т. п., характерно для общества травмы — понятие, впервые введенное в научный оборот Ж.Т. Тошенко. В отличие от «травмы» П. Штомпки,

определяющего ее как социальную трансформацию, в основе которой лежат *непредвиденные*, имеющие *непредсказуемый* финал процессы [8, с. 6–7], общество травмы у Тощенко порождается внутренними и внешними, вполне управляемыми процессами, с «дорожной картой», направленной на реализацию определенных конкретных целей.

На обширном эмпирическом, социально-экономическом и политическом материале автор провел глубокий анализ общемировых тенденций формирования общества травмы, сформулировал его родовые и специфические черты, присущие всем странам без исключения и отдельным из них. К родовым характеристикам травмы Ж.Т. Тощенко относит:

- дезорганизацию экономической и политической деятельности, утрату ранее достигнутых и не восстановленных рубежей;
- отсутствие стратегических целей развития и активных творческих сил, способных осуществить программу созидательных преобразований и преодоления деструктивных явлений;
- рост социального неравенства.

К названным генерализованным чертам общества травмы в России добавляются:

- утрата технической и технологической самостоятельности;
- отсутствие желания и способности правящего класса работать в направлении согласования интересов;
- рост коррупции, раскол общества на богатых и бедных;
- приоритет наживы, перекачка национального богатства за рубеж;
- бегство «мозгов» [5, с. 10–31].

Мы добавили бы еще две принципиальные, на наш взгляд, характеристики общества травмы в России:

- распад целостности образа жизни вследствие утраты центрального универсума, системы базовых (общезначимых, само собой разумеющихся) норм и ценностей;
- гиперрастратную, неэффективную экономику, способную обеспечить лишь некий «рост без развития».

Принципиально важным представляется обобщающий вывод автора о процессуальных отличиях эволюции, революции и травмы. Если первые реализуют объективные потребности развития разными методами, то травма как результат длительной деградации общества — это, по сути, коллапс, который приводит к его отмиранию [7, с. 62–63].

Грустно все это, но знать и понимать, что происходит, — необходимо. Книга читается с интересом (а что дальше?) поскольку являет собой актуальнейшее фундаментальное исследование двух стержневых социальных проблем нашей сегодняшней жизни: основных причин, а по сути, закономерностей формирования постоянно расширяющегося нового социального класса и нового общества, его порождающего. Исследование междисциплинарное (социологическое, статистическое, экономическое, политическое, социально-психологическое), теоретически и эмпирически основательное, побуждающее

к рефлексии и желанию использовать подходы автора в своей профессиональной деятельности. Вдумчивый обществовед, будь то теоретик или практик, найдет в монографии Ж.Т. Тощенко много интересного и полезного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голодец О. 38 миллионов трудоспособного населения России заняты непонятно чем // Российская газета. 2013. № 3 [электронный ресурс]. Дата обращения: 16.05.2019. URL: <<https://rg.ru/2013/04/03/sector-anons.html>>.
2. Ленин В.И. Великий почин // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 39. М.: Изд-во политической литературы, 1970. С. 1–29.
3. Размеров В. «Новый класс» в постсоветской России (Перечитывая Джиласа) // Год планеты: Политика. Экономика. Бизнес. Банки. Образование. Выпуск 2000 года / ИМЭМО РАН; Гл. ред. О.Н. Быков. М.: Республика, 2000. С. 204–211.
4. Тихонова Н.Е. Место среднего класса в социальной структуре российского общества // Средний класс современной России. Опыт многолетних исследований / Под. ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016. С. 310–336.
5. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. — 350 с.
6. Тощенко Ж.Т. Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.
7. Черныш М.Ф. Проблема социального коллапса в социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 16 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2018. С. 55–79. DOI: 10.19181/ezheg.2018.3
8. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
9. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London, New York: Bloomsbury Academic, 2011. —198 p.

Дата поступления: 18.02.2019.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2019.
VOL. 25. No. 2. P. 177–184. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6393

A.A. VOZMITEL

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation.

Andrey A. Vozmitel — Doctor of Sociological Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Address:** 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo Str., 117218, Moscow, Russian Federation. **Phone:** +7 (968) 011-05-03. **Email:** Vozmitel@isras.ru

A NEW CLASS IN A TRANSFORMING SOCIETY. [REV.], TOSHCENKO ZH.T.
PREKARIAT: OT PROTOKLASSA K NOVOMU KASSU. MONOGRAFIJA. [PREKARIAT: FROM
PROTOCOLASS TO A NEW CLASS. MONOGRAPH.] MOSCOW: NAUKA PUBL., 2018
Abstract. The author of the reviewed monograph argues that social classes have not disappeared, but rather they have acquired new qualities and parameters. Thus J.T. Toschenko shows the need for a new approach towards analyzing social stratifica-

tion. This analysis should be based not on “income, education and social status, but it should include such new factors as guaranteed sustained employment, the availability of social protection, preserving professional identity, participating in governance and confidence in the future”. The group of people who are deprived of any social achievements is going to keep growing. The author uses the term “the precariat” for those persons who lack any legal guarantees or legal protection of their basic needs. The precariat is characterised by multiple deprivation, which has never been observed on this scale before.

The monograph aims at highlighting the main reasons for the emergence of this “proctoclass”. The main reason being the turbulence, the inconsistency and the distortion of social processes, which lead to a traumatized society, it being a result of long-term degradation and the social system withering away.

Keywords: classes; precariat; traumatized society.

For citation: Vozmitel A.A. A New Class in a Transforming Society. [Rev.] Toshchenko Zh.T. Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu. Monografija. [Prekariat: From proctoclass to a New Class. Monograph.] Moscow: Nauka publ., 2018. *Sotsiologicheskij Zhurnal* = *Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 2. P. 177–184. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.2.6393

REFERENCES

1. Golodec O. 38 million able-bodied Russians work in non-transparent conditions. *Rossijskaja gazeta*. 2013. No. 3. Accessed 16.05.2019. URL: <<https://rg.ru/2013/04/03/sector-anons.html>>. (In Russ.)
2. Lenin V.I. Great initiative. *Polnoe sobranie sochinenij*. [Complete Works.] 5th ed. Vol. 39. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury publ., 1970. P. 1–29. (In Russ.)
3. Razmerov V. “New Class” in Post-Soviet Russia (Rereading Djilas). *God planety: Politika. Jekonomika. Biznes. Banki. Obrazovanie. Vypusk 2000 goda*. [Year of the Planet: Politics. Economy. Business. Banks. Education. Edition of 2000.] Ed. by O.N. Bykov. Moscow: Respublika publ., 2000. P. 204–211. (In Russ.)
4. Tihonova N.E. The place of the middle class in the social structure of Russian society. *Srednij klass sovremennoj Rossii. Opyt mnogoletnih issledovanij*. [The middle class of modern Russia. Experience of many years of research.] Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tihonova. Moscow: Ves’ mir publ., 2016. P. 310–336. (In Russ.)
5. Toshchenko Zh.T. *Prekariat: Ot protoklassa k novomu klassu. Monografija*. [Prekariat: From proctoclass to a New Class. Monograph.] Moscow: Nauka publ., 2018. 350 p. (In Russ.)
6. Toshchenko Zh.T. Prekariat — a new social class. *Sociologicheskie issledovanija*. 2015. No. 6. P. 3–13. (In Russ.)
7. Chernysh M.F. The problem of social collapse in sociology. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik*. [Russia undergoing reforms: Yearbook.] Iss. 16. Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novyi Khronograf publ., 2018. P. 55–79. (In Russ.) DOI: 10.19181/ezheg.2018.3
8. Shtompka P. Social change as an trauma. *Sociologicheskie issledovanija*. 2001. No. 1. P. 6–16. (In Russ.)
9. Standing G. *The Precariat: The New Dangerous Class*. L., NY: Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.

Received: 18.02.2018.